

АГРАРНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В 1861-1905 гг. И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX в.

Оценки, дававшиеся германской исторической наукой аграрному сектору российской экономики и возможности поступательного развития крестьянских и дворянских хозяйств, представляют несомненный интерес. На германскую (а отчасти и в целом германоязычную) историографию аграрной истории России второй половины XIX – начала XX в. в течение длительного времени оказывали влияние народнические и отчасти марксистские установки. Вследствие этого на протяжении большей части XX в. немецкие исследователи оценивали состояние сельского хозяйства России 1861-1905 гг. как тяжелой кризис. В качестве его симптомов назывались низкая урожайность крестьянских хозяйств, нехватка у основной массы сельского населения средств для улучшения агрикультуры, рост малоземелья в русской деревне. Длительное использование обрабатываемых площадей и отсталые приемы хозяйствования влекли за собой истощение почв; недостаток специалистов, знаний и средств в сочетании с массовой неграмотностью населения тормозили интенсификацию. Положение усугублялось высокими выкупными платежами и частыми неурожаями, нередко сопровождавшимися массовыми голодовками. Соответственно перспективы развития пореформенной деревни оценивались крайне низко: тенденция к падению уровня потребления характеризовалась как основная при рассмотрении положения основной массы крестьян. Такой подход преобладал как в работах, вышедших в начале XX столетия, так и в исследованиях, появившихся в ФРГ в 1950-1970-х гг.¹

Не без влияния положений отечественной историографии германские исследователи делали основной акцент на невыгодных для крестьянства условиях отмены крепостного права. В этом они усматривали одну из причин неудовлетворительного положения сельского хозяйства империи на рубеже XIX-XX вв. Такой подход наличествовал в немецкой историографии не всегда; в начале XX в. О. Хетч давал реформе 1861 г. высокую оценку и рассматривал ее в качестве крупнейшего социального преобразования в Европе после французской революции XVIII в. О. Хетч обратил внимание и на изменения к лучшему в социальном статусе крестьянства в поре-

форменные десятилетия, сделав все же основной акцент на кризисном в целом состоянии аграрного сектора российской экономики². В 1960-1980-е гг. германские исследователи Ю. Нецольд, П. Шайберт, К. Функен, Д. Гайер, Х. Шерер, Д. Байрау, М. Хильдермайер (впоследствии скорректировавший первоначально «пессимистические» свои оценки), напротив, находили условия освобождения крестьян невыгодными последним³. При этом они, за исключением К. Функена, избегали трактовать реформу 1861 г. как продворянскую; говоря о развитии помещичьих хозяйств в пореформенный период, названные исследователи заостряли внимание на преобладании в них феодальных пережитков, к которым они, подобно А.М. Анфимову, относили и отработочную систему. Прогресс в хозяйствовании со стороны дворян и их успехи в плане капиталистической эволюции хозяйств признавались лишь применительно к отдельным районам России, главным образом к западным ее губерниям. В целом помещичье производство не могло явиться мотором интенсификации аграрного сектора экономики.

Ю. Нецольд особо остановился на негативных для дворянства последствиях реформы 1861 г. Последняя отняла у крепостников бесплатную рабочую силу и до половины земли, ранее теоретически принадлежавшей им. Вследствие значительной задолженности большинства хозяйств накануне 1861 г. дворяне в основной своей массе не получили сколько-нибудь значимой компенсации от выкупных платежей⁴. К. Функен, склонный объяснять великую крестьянскую реформу стремлением правительства спасти крепостников от банкротства, присоединился к этому суждению Ю. Нецольда, отметив также, что большая часть суммы, реально полученной дворянством вследствие выкупной операции, была потрачена непроизводительно. Подобным образом трактовал значение реформы 1861 г. для помещиков и М. Хильдермайер⁵. Все названные исследователи указали также на отсутствие у большинства землевладельцев практических навыков ведения хозяйства и специальных знаний. Итогом этого стало разорение «благородного сословия» и сдача им своих земель в аренду непосредственным производителям⁶.

Германские исследователи второй половины XX в. признавали сокращение роли дворян в товарном производстве сельхозпродукции – лишь Ю. Нецольд и отчасти Х. Раупах составляли исключение. Основываясь на отрывочных данных, он оценивал их долю в производстве зерновых для рынка в 46,9% даже в канун Первой мировой войны. Реально этот показатель был значительно ниже – В.С. Немчинов оценивал его в 21,6%, подсчеты И.Д. Ковальченко дали несколько более высокую цифру – 25,2% в среднем в 1909-1913 гг. Х. Раупах, воздерживаясь от преувеличения роли помещиков как производителей товарного зерна, подчеркивал, однако, что экстенсивное развитие зернового хозяйства не располагало к интеграции основной массы сельского населения в индустриальное общество – ни в качестве производителей для рынка, ни в качестве покупателей. Свой вывод Х. Раупах, однако, не подкрепил фактами⁷.

Уменьшение роли дворянских хозяйств как производителей товарной сельхозпродукции, особенно зерна, признается и историками, не разделяющими пессимистических оценок состояния аграрного сектора экономики России в 1861-1905 гг. Оппонент «пессимистов» Х.-Д. Леве указал, что и конъюнктура на мировом рынке в последней четверти XIX в. не располагала помещиков к ведению собственного хозяйства: начавшееся в 1870-е гг. падение цен на хлеб на мировом рынке не могло стимулировать крупных владельцев к расширению производства зерновых. Следствием этого, как полагает Х.-Д. Леве, стало значительное увеличение площади сдаваемых в аренду земель, местами даже за пониженную плату. С окончанием мирового аграрного кризиса положение, однако, изменилось – часть помещиков предприняла попытку перейти к самостоятельному ведению хозяйства, сократив при этом площадь сдаваемых в аренду земель. Данное обстоятельство послужило одной из причин массовых антидворянских выступлений непосредственных производителей в начале XX в.⁸

Следует отметить, что до 1980-х гг. германские историки обычно не акцентировали внимание на многообразных методах хозяйствования в практике российских помещиков. Австрийский историк А. Морич, указав, подобно «пессимистам», на факт массовой продажи дворянами своих земель с 1860-х гг., отметил вместе с тем необходимость учета региональной специфики при оценке как уровня агрикультуры, так и состояния и перспектив развития помещичьих и крестьянских хозяйств России. В При-

балтике, Таврической губернии и юго-западных районах России доля помещиков в товарном производстве зерна к началу XX в. превосходила крестьянскую. В этих районах наблюдался несомненный прогресс капиталистической эволюции сельского хозяйства, причем носителями ее выступали не только дворяне⁹. Успешно функционировало помещичье хозяйство в Волынской, Подольской и Киевской губерниях; из великорусских областей дворянское землевладение частично перестроилось на капиталистический путь развития в Московской губернии. Здесь оно отчасти удержало свои позиции; напротив, во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях оно составило к началу XX в. лишь 31,2% частного землевладения против 51,2% в целом по Европейской России. В Центрально-Черноземном районе, на Среднем Поволжье (к которому автор ошибочно относит и Саратовскую губернию) и на Левобережной Украине значительной перестройки дворянских латифундий на капиталистический лад не наблюдалось. Здесь выводы А. Морича согласуются с результатами исследований А.М. Анфимова, хотя в целом концепция австрийского исследователя отлична как от позиции А.М. Анфимова, акцентировавшего внимание на феодальных пережитках в русской деревне, так и от прямо противоположного мнения С.М. Дубровского, полагавшего, что капитализм в российском сельском хозяйстве развивался по прусскому пути¹⁰.

Положение российского крестьянства после 1861 г. традиционно оценивалось германской историографией в трагических тонах. На негативном в общем балансе развития крестьянских хозяйств до столыпинской реформы акцентировали внимание в начале XX в. В.Д. Прейер, О. Хетч, К. Дице¹¹. В последней трети XX в. сходным образом оценивали ситуацию Ю. Нецольд, К. Функен, Р. Лоренц, Х. Раупах, Х. Шерер и до недавнего времени М. Хильдермайер. Первый из них, не отрицая очевидного факта увеличения размеров крестьянского землевладения за 1861-1905 гг., отмечал, подобно В.Д. Прейеру и К. Дице, опережающие темпы роста сельского населения в сравнении с этим увеличением. При этом интенсификация крестьянских хозяйств оставляла желать много лучшего. Ю. Нецольд признавал и различия в положении различных категорий земледельцев после 1861 г., что в крайне сдержанной форме делал и советский историк А.М. Анфимов. В наиболее благоприятном положении после реформы ока-

зались государственные крестьяне; бывшие помещичьи, напротив, потеряли при освобождении до четверти ранее находившихся в их пользовании земель и были переобременены выкупными платежами. Последние, как и высокая арендная плата, поглощали большую часть крестьянских доходов и делали невозможными затраты на интенсификацию¹². Негативно оценивает Ю. Нецольд и общинные переделы, а также усилия верховной власти по сохранению общины в пореформенный период. Отмеченные обстоятельства тормозили процесс образования на селе «среднего класса» нового типа и приводили к тому, что решающую роль играла тенденция к пауперизации непосредственных производителей¹³. К. Функен, склонный под влиянием работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» преувеличивать степень расслоения крестьянства к концу XIX в., также полагает, что общинная организация до известной степени сдерживала дифференциацию. Этому содействовала и центральная власть – закон от 14 декабря 1893 г. резко ограничил возможности продажи и залога не только общинной, но и частной крестьянской земли. Тем самым было затруднено накопление капитала более состоятельной частью деревни¹⁴.

Ю. Нецольд вместе с тем признавал, что неотчуждаемость преобладающего в России общинного землевладения препятствовала увеличению размеров помещичьих хозяйств. Тенденция же к расширению крестьянского землевладения признается всеми германскими историками, в т. ч. и «пессимистами». М. Хильдермайер акцентировал внимание на факте перехода продаваемых дворянами земель к общинам; Х. Шерер отмечал прогрессирующее возрастание и размеров частного владения крестьян¹⁵. «Пессимисты», однако, в большей мере заостряли внимание на высоком уровне цен на недвижимость в России, затруднявшем покупку земли непосредственными производителями. Здесь также сказалось влияние советской историографии аграрной истории пореформенного периода; в то же время ни ею, ни германскими историками не отрицался сам факт количественного преобладания в стране крестьянского землевладения к концу XIX в. Лишь Г. Альтрихтер утверждал обратное; приводимые им самим данные, однако, перечеркивали его же утверждения о сохранении в руках дворянства «преобладающей (?) части» обрабатываемых земель¹⁶.

При всем том К. Функен, Р. Лоренц, Х. Раупах, Х. Шерер, М. Хильдермайер, а из истори-

ков 1990-х гг. Г. Альтрихтер – оценивали положение основной массы русского крестьянства в пореформенные десятилетия как крайне неблагоприятное. Быстрый рост населения обострял земельную проблему; положение усугублялось истощением почв и сохранением архаичных методов агрикультуры. Большинство хозяйств влачили полуголодное существование – в последнее десятилетие XIX в., утверждал К. Функен, лишь 8,9% крестьянских дворов Европейской России собирали урожай свыше 26,5 пудов и имели излишки. В то же время 70,7% хозяйств собирали в среднем урожай зерновых в размере менее 19 пудов, не обеспечивая собственного потребления. Рост товарности крестьянского производства, имевший место в 1861-1905 гг. объяснялся, по мнению К. Функена, а также Х. Шерера, вынужденным обстоятельством – необходимостью налоговых выплат¹⁷. Последние оказывали губительное влияние на непосредственных производителей, ускоряя разрушение хозяйств и пауперизацию населения. В целом, как указывали Ю. Нецольд, К. Функен и Х. Шерер, существовало значительное противоречие между потребностями фиска и экономическими потребностями государства, ориентированными на перспективу. Первые требовали сохранения и ужесточения общинных ограничений в интересах обеспечения стабильных денежных поступлений в казну. Расчет на перспективу, напротив, предполагал всемерное поощрение индивидуальной инициативы, сдерживавшейся мирским диктатом. Частичное реформирование общинной системы, проведенное в 1903 г., не изменило положения¹⁸.

Нами уже говорилось, что уже с 1970-х гг. в германской исторической литературе наметилась тенденция к пересмотру традиционных для нее (как и для отечественной историографии) представлений о российском крестьянстве пореформенной эпохи как главном объекте и жертве фискальной политики царизма. Синхронно с этим и в англоязычной «россике», как и в отечественной литературе был поставлен под вопрос тезис о крестьянстве как главном источнике средств для капиталистической индустриализации страны¹⁹. Из германских исследователей сомнения в его правомерности высказал в конце 1970-х гг. Э. Мюллер. Постоянно разоряющееся крестьянство, подчеркнул исследователь, не могло нести все возрастающее бремя уплаты прямых налогов; товары же, облагаемые акцизом, потреблялись в основном в городе, а не в деревне. Ссылаясь на данные русского эконо-

миста И.Х. Озерова, Э. Мюллер напомнил, что к началу XX в. в среднем по Европейской России на городского жителя приходилось 89 фунтов керосина в год, на сельского – 4,89 фунта. Годовое потребление сахара среди крестьян Московской губернии даже перед Первой мировой войной составляло 0,62 пуда на человека в год, в Вятской губернии этот показатель составлял 0,08 пуда. Принимая во внимание решающую роль косвенного обложения в формировании доходной части бюджета страны, не приходится переоценивать значение крестьян как налогоплательщиков. При этом Э. Мюллер не ставил под сомнение сам тезис о массовом разорении русского крестьянства в конце XIX – начале XX в.; положение основной его части в этот период исследователь характеризовал как промежуточное между недоеданием и голодом²⁰.

Тенденция к пересмотру этого последнего тезиса наметилась в германоязычной историографии уже в 1980-е гг. Наиболее наглядно данный подход, обозначенный впоследствии С. Плаггенборгом как «ревизионистский», заявил о себе в трудах Х.-Д. Лева. Существенно, что «ревизионисты» значительно расширили источниковую базу научных трудов. «Пессимисты» оперировали, как правило, данными, почерпнутыми из советской и отчасти эмигрантской литературы, привлекая также публицистику начала XX в. и экономическую литературу народнической и марксистской направленности, относящуюся к дореволюционному периоду. «Ревизионисты» наряду с этим широко используют статистические источники, в т. ч. материалы земской статистики; Х.-Д. Лева в значительном количестве привлек как опубликованные в конце XIX – начале XX в. справочные издания и статистические сборники, так и архивную документацию. В отличие от «пессимистов» Х.-Д. Лева акцентировал внимание на многообразных источниках крестьянских доходов и на недопустимости абсолютизации отдельных показателей, характеризующих те или иные стороны жизни непосредственных производителей. Указано исследователем и на необходимость принимать во внимание региональную специфику²¹.

Х.-Д. Лева, отмечая (со ссылкой на А.С. Нифонтова и используя материалы земской статистики) высокие темпы роста производства сельхозпродукции в России в пореформенный период, подчеркнул, что тенденция эта затронула как помещичьи, так и крестьянские хозяйства. Рост среднегодовой урожайности в последней четверти XIX – первые годы XX в. имел

место в Центрально-Промышленном и Центрально-Черноземном районах, а также в Поволжье и Малороссии как на частных, так и на наделных землях. При этом темпы роста продуктивности у помещиков превосходили таковые у крестьян, однако следует учитывать, что значительная часть дворянских земель сдавалась в аренду непосредственным производителям и обрабатывалась ими. Существенно также, что доля обрабатываемой пашни была выше на наделной земле – в Европейской России крестьяне использовали под пашню 60,9% находившихся в их пользовании площадей, дворяне – 53%²². Не ограничиваясь методом «средних величин», Х.-Д. Лева привел данные о среднегодовой урожайности крестьянских дворов с различной величиной посева в ряде уездов Калужской, Вятской, Полтавской, Воронежской и Московской губерний. Они свидетельствуют о более высокой урожайности в мелких и средних (по величине посева) хозяйствах, из чего Х.-Д. Лева делает вывод о жизнеспособности последних²³.

Интенсификация и диверсификация земледельческого хозяйства могли иметь место и в рамках преобладающей трехпольной системы севооборота. Так обстояло положение в Воронежской губернии, где за 1881-1917 гг. размер пахотной земли уменьшился на 2,3%, в то время как доля садовых и технических культур возросла с 9,9% до 16,2%. Принимая во внимание значительный спрос на соответствующую продукцию на рынке, отметил Х.-Д. Лева, уменьшение посевов на душу сельского населения не всегда следует интерпретировать как свидетельство падения жизненного уровня крестьян²⁴. Это суждение представляется справедливым даже без учета доходов непосредственных производителей от неземледельческих, в т. ч. несельскохозяйственных занятий.

Не соглашаясь с Э. Мюллером в вопросе о постоянном ухудшении положения русского крестьянства после 1861 г., Х.-Д. Лева вместе с тем солидарен с ним в оценке скромной роли земледельцев в налоговых поступлениях казны. В 1901 г. на крестьян приходилось 26,4% доходов государства от прямых налогов, в 1904 г. – 24,3%. В эти же годы все виды платежей с земледельцев составили соответственно 18% и 16,2% от их годового дохода²⁵. Представляется, однако, что не приходится абсолютизировать метод «средних величин»; необходимо учитывать уровень доходов отдельных хозяйств, урожайность (особенно в случае роли земледелия как основного занятия), погодные условия, фак-

тор земских и мирских сборов, арендные платежи и т. д. С учетом этих обстоятельств отчисление в казну обозначенной Х.-Д. Леве части крестьянского дохода действительно могло быть обременительным для непосредственного производителя; рост недоимочности косвенным образом подтверждает данное предположение²⁶.

Для объективного анализа уровня жизни российского крестьянства периода «имперской модернизации» необходимо обратить внимание на факторы, в совокупности составляющие данную дефиницию. Х.-Д. Леве, рассмотрев на материалах земской статистики структуру и калорийность питания крестьян различных категорий, сделал вывод об улучшении их положения в этом плане, по крайней мере, с 1880 г., за исключением неурожайных лет. Обращает, однако, на себя внимание, что питание сельских жителей Х.-Д. Леве рассмотрел преимущественно по материалам Воронежской, а отчасти Вологодской и Херсонской губерний – соответствующие показатели существенно выше средних данных по 13 губерниям Европейской России, приведенных Б.Н. Мироновым в недавней его работе²⁷. При этом как германский, так и российский исследователи широко использовали обобщающую работу С.А. Клепикова; Х.-Д. Леве в то же время привлек статистические данные А. Щербины и А.В. Чайнова, находя содержащиеся во всех этих публикациях данные несколько заниженными. Оба исследователя, однако, сходятся на том, что к началу XX в. питание сельского населения России улучшилось и в целом превзошло дореформенный уровень. Х.-Д. Леве полагал, что это имело место с 1860-х гг.; Б.Н. Миронов показал, однако, что в первые пореформенные десятилетия оно изменилось к худшему и эта тенденция стала обратной лишь после 1890 г. – вернее было бы, однако, обозначить как переломный 1893 г., принимая во внимание сильнейший неурожай и голод двух предыдущих лет. Но не все утверждения Б.Н. Миронова представляются аргументированными – из уменьшения поголовья скота он делает вывод о сокращении потребления населением мясо-молочной продукции. В действительности, однако, могла иметь место (и действительно имела, как показано Х.-Д. Леве) интенсификация животноводства. Улучшение качественного состояния скота влекло за собой уменьшение его поголовья – такое явление наблюдалось во всех модернизирующихся странах²⁸. Кроме того, Х.-Д. Леве указал на необходимость принимать во внимание существенные

различия между показаниями ведомственной и земской статистики при учете поголовья. Разрыв в показаниях иногда (например, в Полтавской губернии) доходил до 40%; при этом данные земской статистики оказывались более высокими. То же относится и к сведениям, характеризующим урожайность различных сельскохозяйственных культур. Х.-Д. Леве усматривает причины такого разрыва в лучшей организации земской службы; с другой стороны, во время ветеринарных обследований крестьяне сами нередко утаивали часть принадлежавшего им скота от учета, опасаясь его «выбраковки»²⁹.

Свидетельство улучшения условий жизни сельского населения Х.-Д. Леве усматривает и в росте грамотности среди крестьян в пореформенную эпоху. Данное обстоятельство, как и повышение качества медицинского обслуживания жителей деревни, снижение смертности среди них, признает и Б.Н. Миронов. В Воронежской губернии, отметил Х.-Д. Леве, доля крестьянских семей, в которых минимум один человек умел читать и писать, возросла за 1886-1900 гг. с 28,4% до 51,6%. Гораздо менее выразителен, однако, тот факт, что удельный вес грамотных земледельцев этой губернии поднялся в этот период лишь с 6,4% до 13,5%³⁰.

Фактические данные, приводимые Х.-Д. Леве, существенно корректируют устоявшиеся представления о якобы постоянном ухудшении положения крестьян в дореволюционный период. Тенденция к пересмотру этих представлений наличествует и в отечественной историографии, а также в англоязычном руссиеведении; она подробно проанализирована А.В. Карагодиным. Вместе с тем оптимизм Х.-Д. Леве по поводу положения основной массы русского крестьянства пореформенной эпохи представляется преувеличенным. Не приходится отрицать, что неблагоприятные погодные условия, лимитирующее воздействие которых на рост крестьянских доходов признает немецкий исследователь, не были редкостью на большей части России – Ю. Нецольд в свое время особо акцентировал внимание на этом нюансе. Соответственно годы относительного достатка могли чередоваться с неурожаями и голодными катастрофами. Х.-Д. Леве не учитывает данное обстоятельство, рассматривая тенденцию к росту доходности крестьянских хозяйств как непрерывную. При всех успехах интенсификации сельского хозяйства нет оснований переоценивать достигнутое: даже в 1910 г. железные сельскохозяйственные орудия составляли явное мень-

шинство по отношению к деревянным. По данным переписи 1917 г. в губерниях, охваченных ею, 52% дворов с надельной землей не имели усовершенствованного инвентаря. Невелики в целом были и масштабы применения удобрений в земледелии. В 1900 г. русскими крестьянами в среднем использовалось 0,43 пуда удобрений на десятину, германскими – 10,2 пуда при более низком качестве российских почв и худших по сравнению с Германией климатических условиях³¹. Не приходится переоценивать, как то делает Х.-Д. Леве, и возможности интенсификации средних и мелких хозяйств – хотя бы по причине парцелляции требовалось увеличение соответствующих затрат, тем более принимая во внимание необходимость производства в целях сбыта. Возможности мелких и средних производителей здесь были далеко не безграничны. Существенно учитывать и более высокие затраты на интенсификацию в хозяйствах с большей посевной площадью; в условиях передельной общины это могло стимулировать к совершенствованию агрокультуры менее обеспеченных производителей, что, однако, не позволяет делать вывод о широких возможностях развития соответствующих хозяйств.

«Ревизионистскую» линию Х.-Д. Леве отчасти продолжил С. Плаггенборг. Не рассматривая специально вопрос об уровне жизни русского крестьянства в пореформенный период, он отметил значительное ослабление роли этого сословия в налоговых поступлениях вследствие отмены с 1887 г. подушной подати. В результате этой меры уровень доходов фиска от прямых налогов по состоянию на 1881 г. (140,4 млн. руб.) не был достигнут и в 1900 г. (131,8 млн. руб.). Накануне отмены этого обложения, ложившегося своим бременем на крестьянство, поступления от него превышали сумму всех прочих прямых налогов; к концу XIX в. решающая роль в формировании доходной части бюджета принадлежала уже винной монополии и поступлениям от эксплуатации железных дорог. После 1898 г. постоянно возрастала роль средств от промышленного налога. Таким образом, полагает С. Плаггенборг, правительственное субсидирование промышленности осуществлялось за счет поступлений от несельскохозяйственного сектора экономики. К этому выводу исследователя присоединились К. Гества в рецензии на работу С. Плаггенборга и несколько позднее С. Мерль³².

Вопрос об улучшении положения крестьянства вследствие отмены подушного обложения представляется С. Плаггенборгу открытым:

данное мероприятие не сопровождалось ликвидацией недоимок, накопившихся по выкупным платежам и поземельному налогу. Невыплаты лишь по последнему в 1882-1883 гг. составили 26% от предусмотренной суммы, а к концу десятилетия достигли 39%. При этом уже в 1884 г. на крестьян приходилось более половины всех выплат по поземельному налогу – 2,3 млн. руб. из 4 млн. руб. Решающую роль в образовании крестьянских недоимок С. Плаггенборг, однако, отводил выкупным платежам, а также земским и мирским сборам. Роль поземельного налога в этом С. Плаггенборг находил достаточно скромной³³, а политику казны в отношении крестьянства, подобно Х.-Д. Леве, не трактовал как направленную против этого сословия. С 1880-х гг., подчеркивал исследователь, налоги, взимаемые исключительно с земледельцев, либо отменялись, либо понижались, в то время как все прочие сборы постоянно возрастали. Выкупные платежи – наиболее обременительный налог, выплачивавшийся крестьянами, – все же не могли разрушить хозяйства непосредственных производителей, составляя вместе с прочими видами прямого обложения «чрезвычайно ничтожную часть крестьянских доходов» (подобный вывод, как уже говорилось, делает и Х.-Д. Леве, но здесь неправомерна абсолютизация усредненных показателей). Подобно ряду зарубежных и отечественных историков, С. Плаггенборг подвергает критике широко распространенный тезис о фискальной политике государства как главной причине массового голода начала 1890-х гг. Крестьянство, напоминает С. Плаггенборг, к тому времени уже не являлось основным плательщиком прямых и косвенных налогов; министр финансов И.А. Вышнеградский, вопреки распространенному стереотипу, с начала катастрофы выступал против повышения норм обложения и в бюджетном отчете за 1892 г. вновь предупреждал о негативных последствиях такой меры. Не без его участия казна выделила на помощь голодающим 116 млн. руб., а царское правительство даже временно приостановило хлебный экспорт из России³⁴. К этому можно добавить отмеченный отечественными и зарубежными «ревизионистами» факт, что в конце XIX в. государство не располагало (в отличие, например, от периода первой пятилетки) механизмом целенаправленного выкачивания продовольствия из деревни³⁵.

От выводов о постоянном ухудшении положения русского крестьянства в пореформенную эпоху воздерживается и австрийский ис-

торик А. Морич, не относящийся безоговорочно к «ревизионистам». А. Морич с полным основанием указал на необходимость учета региональной специфики при анализе уровня жизни сельского населения Российской империи и в своих трудах придерживался именно такого подхода. Подобно «пессимистам», А. Морич признавал вынужденный характер товарности для большинства крестьянских хозяйств. Положение основной массы крестьянства австрийский исследователь находил особо благоприятным в Новороссии, на Кубани, в западных и центральных районах Белоруссии, а также в Волынской, Подольской и Киевской губерниях. В последних трех губерниях, как и в Белоруссии (исключая восточные ее районы), крестьянство было освобождено на более выгодных по сравнению с Великороссией условиях, здесь уже к концу XIX в. получило широкое распространение индивидуальное землевладение³⁶. Подворное землевладение преобладало к концу пореформенного периода и в северо-западных районах России (за исключением Олонецкой губернии); положение основной массы крестьянства здесь А. Морич рассматривает как удовлетворительное или даже благоприятное. Достаточно позитивная оценка была дана им уровню жизни крестьян Приуралья и русского Поморья. Здесь отсутствовало либо было слабо развито крепостничество, в распоряжении крестьян находились наделы, достаточные для самообеспечения³⁷. В Центрально-Промышленном районе неблагоприятные для земледелия условия компенсировало традиционное развитие промыслов. Последние являлись важным источником дохода непосредственных производителей; вместе с тем распространение промысловых занятий менее располагало крестьян к совершенствованию агрикультуры. С другой стороны, близость индустриальных центров предопределила ориентацию многих хозяйств, особенно Московской губернии, на рынок, и в целом положение крестьян центрального Нечерноземья характеризовали относительный достаток и высокая степень товарности³⁸.

Иным было положение крестьянства центральночерноземных губерний, Среднего Поволжья и Левобережной Украины. Условия освобождения оказались здесь наименее выгодны для непосредственных производителей; высокие темпы естественного прироста населения опережали увеличение их землевладения. Как тяжелое для крестьян бремя характеризует А. Морич арендные платежи земледельцев помещи-

кам в этих районах, а низкая агрикультура предопределила быстрое истощение почв. Роль промысловых занятий в большинстве черноземных губерний А. Морич оценивал как ничтожную. Соответственно положение крестьянства в этих районах было наиболее тяжелым в Европейской России, что определило особую восприимчивость местного сельского населения к леворадикальной агитации и сказалось на ходе здесь столыпинских преобразований³⁹.

Воззрения, близкие точке зрения А. Морича и означавшие отказ от крайностей как «пессимистов», так и «ревизионистов», получили распространение и в собственно германской литературе в 1990-е гг. В ней по-прежнему имеются сторонники устоявшихся «пессимистических» взглядов на аграрную историю России второй половины XIX – начала XX в. (Г. Альтрихтер). В то же время есть основания говорить о развитии в этот период тенденции к более взвешенному и всестороннему изучению развития российского сельского хозяйства и положения русского крестьянства в германском россиеведении. Примером тому являются монография Б. Бонвеча по социальной истории России 1861-1917 гг. и недавнее исследование М. Хильдермайера по истории советского периода, определенное внимание в котором уделено и дореволюционной эпохе.

Б. Бонвеч, характеризуя русское крестьянство пореформенного периода как крупнейшего покупателя земли, подобно «пессимистам», признавал, что рост общинного и частного землевладения непосредственных производителей отставал от увеличения сельского населения. Возражая Ю. Нецольду и Э. Мюллеру, полагавшим, что 2/3 крестьян не могли обеспечить свое потребление за счет наделов, Б. Бонвеч указал на необходимость принимать во внимание фактор аренды. Значительную роль в крестьянских доходах играли, кроме того, промыслы и отходничество. Основываясь на подсчетах П.Г. Рындзюнского, А.М. Анфимова и А.Г. Рашина, Б. Бонвеч напомнил, что среди мужского трудоспособного населения деревни доля отходников доходила до 40-50%, а численность дворов, связанных с промыслами, составила в целом по России 60%. Особенно значительной она являлась в нечерноземной полосе; в Петербургской губернии 19,3% крестьянских хозяйств основывались исключительно на промысловой деятельности⁴⁰.

Подобно «ревизионистам», Б. Бонвеч признал и тенденцию к повышению уровня жизни крестьян на рубеже XIX – XX вв. Ее проявление

исследователь усматривал в опережающих темпах роста вкладов крестьян в сберкассы в сравнении с увеличением задолженности земледельцев. Но, в отличие от Х.-Д. Лева, Б. Бонвеч не абсолютизировал эту позицию, справедливо отмечая, что она неодинаково проявилась у различных категорий сельского населения. Кроме того, возрастание доходной части крестьянского бюджета лимитировалось негативным воздействием косвенных налогов, арендных выплат и (до 1907 г.) выкупных платежей. Тем не менее, доля крестьян среди вкладчиков в сберкассы устойчиво возрастала, хотя даже к 1914 г. она еще далеко не соответствовала удельному весу земледельцев в численности населения – она составляла тогда 28%. В целом же достаток крестьян оставался довольно скромным и не базировался на солидном фундаменте⁴¹. С таким выводом Б. Бонвеча солидаризировался и М. Хильдермайер в последней своей монографии.

Во изменение своей прежней позиции М. Хильдермайер резко дистанцировался от «пессимистических» оценок. Исследователь, подобно Х.-Д. Лева (и не без влияния его работ), указал на необходимость принимать во внимание не только количественные, но и качественные характеристики крестьянских хозяйств, в т. ч. круг возделываемых непосредственными производителями культур, спрос на эти культуры на рынке, специфику отдельных местностей. Отказался М. Хильдермайер и от тезиса о переобремененности земледельцев налоговыми выплатами и признал наличие у них, несмотря на общинную систему, свободы передвижения. Данные суждения, аргументированные «ревизионистами», подчеркнул М. Хильдермайер, наносят «смертельный удар по «пессимистической» модели», в т. ч. и по гершенкеновским постулатам⁴². Вместе с тем М. Хильдермайер с полным основанием предостерег от впадения в крайность иного рода. При всем прогрессе аграрного развития страны отсталость сельского хозяйства далеко не была преодолена и в годы столыпинской реформы. Открытым остается вопрос о причинах массовых крестьянских выступлений в первые годы XX в. Традиционное их объяснение постоянным ухудшением положения непосредственных производителей не выглядит более убедительным. М. Хильдермайер называет в гипотетическом плане в качестве возможных причин хилиастические представления крестьян, их надежды на справедливый передел, рост цен на землю и арендной платы в первые годы XX в., попытки ряда помещиков по окон-

чании мирового аграрного кризиса организовать собственное ведение хозяйства за счет сокращения сдаваемых крестьянству в аренду земель⁴³. На последнее обстоятельство указывал и Х.-Д. Лева; существенно при этом, что эти попытки совпали с очередным недородом в 1901 г. и кризисом в промышленности, вызвавшим отток части рабочих в деревню, что обострило проблему аграрного перенаселения, особо болезненную именно в годы неурожаяев. Стечение этих неблагоприятных факторов, видимо, и привело к массовым выступлениям – вопрос об их причинах, впрочем, нуждается в дополнительном изучении.

Пересмотр ряда прежних постулатов о постоянном ухудшении положения русского крестьянства, наметившийся в германоязычной историографии с 1980-х гг., сопровождался и переоценкой устоявшихся суждений о кризисе сельского хозяйства России в 1861-1905 гг. Следует отметить, что и «пессимисты» делали ряд оговорок, характеризуя аграрное развитие страны в этот период в негативных тонах. Ими признавался (в т. ч. со ссылками на отечественную историографию) определенный прогресс агрикультуры, отмечалось увеличение производства сельхозпродукции в пореформенные десятилетия. Х. Шерер, к примеру, упоминал, что в 1883-1913 гг. среднегодовые темпы прироста производства этой продукции составляли 2,3%, в то время как потребление ее в среднем за год увеличивалось на 1%. За первые 5 лет XX в. численность губерний Европейской России с наличием хлебных излишков возросла с 22 до 27⁴⁴.

На изменениях к лучшему в аграрном секторе российской экономики особо акцентировали внимание «ревизионисты», наиболее последовательным представителем которых в германской «россике» выступил Х.-Д. Лева. Он отметил постоянное повышение в пореформенный период не только производства зерновых (включая сюда и картофель), но и самих темпов прироста от десятилетия к десятилетию. Если за первую пореформенную декаду этот показатель составил 6%, то за вторую – уже 14,7%; за 1880-е гг. производство зерна и картофеля увеличилось на 16,7% в сравнении с предыдущим десятилетием, а за 1890-е гг. – на 22,25 по отношению к 80-м гг. XIX в. Возрастала и среднегодовая урожайность – в 1860-е гг. она составляла сам-3,8, в 1890-е – сам-4,8. Темпы роста урожайности из расчета на одну десятину были в пореформенной России более высокими, чем в Германии того же периода. При таких сопоставле-

ниях, однако, необходимо принимать во внимание естественно-географические условия двух стран, плотность населения, близость сельскохозяйственных районов к рынкам сбыта. По этим показателям Европейская Россия не представляла собой единого целого⁴⁵.

Темпы прогресса крестьянских хозяйств Х.-Д. Леве рассматривает как особенно впечатляющие – здесь его суждения согласуются с утверждением И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунской и Б.М. Литвакова об этих хозяйствах как носителях прогрессивной экономической тенденции. В начале XX в. аналогичное мнение высказывал В.Д. Прейер, признавая вместе с тем роль передовых помещичьих хозяйств в распространении агрикультуры⁴⁶. Австрийский историк А. Морич более сдержанно, чем Х.-Д. Леве, оценивает состояние и перспективы развития сельского хозяйства страны. Он напоминает, что «оскудение центра» России было предметом правительственных забот в конце XIX – начале XX в., и рассматривает положение аграрного сектора экономики по 13 районам Европейской России (сам перечень этих районов А. Морич заимствовал у П.П. Семенова-Тян-Шанского). Он отметил особые успехи в аграрном развитии Новороссии, Кубани, Правобережной Украины. Напротив, Центрально-Черноземный район, Среднее Поволжье и Левобережная Украина являли собой картину кризиса сельского хозяйства. Следует отметить, что и в отечественной историографии отмечается значительная неравномерность в аграрном (и в целом в экономическом) развитии отдельных районов России. В.И. Бовыкин отмечал, что за счет Новороссии, Степного Предкавказья, а также Заволжья и Сибири осуществлялись поставки российской сельхозпродукции на внутренний и внешний рынки, в то время как в центре (здесь, очевидно, есть основания говорить о черноземном центре) наличествовала сильнейшая тенденция к стагнации производства⁴⁷.

Достаточно взвешенную оценку аграрному развитию России дали в 1990-е гг. Б. Бонвеч, С. Мерль и М. Хильдермайер. Первый из них признал определенный прогресс в интенсификации производства к концу XIX в. Подобно Х.-Д. Леве, Б. Бонвеч предостерег от рассмотрения сокращения поголовья скота на душу населения в качестве показателя кризиса животноводства. В пользу того, что данная тенденция отражала рост интенсификации этой отрасли свидетельствует повышение производства мясо-молочной продукции на душу населения⁴⁸. С. Мерль акценти-

ровал внимание на том, что с 70-х гг. XIX в. ежегодный прирост валовой продукции зерновых примерно соответствовал темпам роста населения, но при этом опережающими темпами увеличивалась продукция, предназначенная для потребления. Если в 1860 г. на семена использовалось 30% собранного ранее урожая зерновых, то в 1914 г. этот показатель составлял 20%. Данный факт свидетельствует о росте подесятинной урожайности, на что обращал внимание и Х.-Д. Леве. Существенно, что С. Мерль не увязывал этот рост со столыпинской аграрной реформой – он отмечал тенденцию к поступательному развитию аграрного сектора российской экономики с 1870-х гг. Исследователь, однако, не остановился на региональных различиях; вместе с тем он отметил, что уровень жизни сельского населения в начале XX в. по-прежнему был существенно ниже, чем у горожан⁴⁹.

Аналогично Б. Бонвечу и С. Мерлю трактовал в 1990-х гг. положение русского крестьянства дореволюционной эпохи и М. Хильдермайер. Признав сдвиги к лучшему в положении земледельцев в пореформенный период и в первые годы XX в., он отказался и от прежних своих суждений о глубоком аграрном кризисе, якобы переживаемом Россией в этот период. Не абсолютизируя, как уже говорилось, позитивную тенденцию, М. Хильдермайер отметил увеличение производства зерновых на душу населения с середины 1880-х гг. и значительный вклад сельского хозяйства в общий экономический прогресс страны. Оно, заключил исследователь, преуспевало значительно больше, чем полагали современники, и отнюдь не тормозило промышленное развитие⁵⁰.

Подводя итоги, можно констатировать, что в 1980-1990-е гг. в германской (и в целом в германоязычной) исторической науке наметилась тенденция к более тщательному и всестороннему изучению положения русского крестьянства и состоянию аграрного сектора России 1861-1905 гг. Развитие «ревизионистских» взглядов сопровождалось и расширением источниковой базы конкретных исследований и опиралось на нее. Отход от стереотипных представлений о постоянном кризисе сельского хозяйства России пореформенных десятилетий наиболее полно заявил о себе в работах Х.-Д. Леве. Его подход, однако, не свободен от крайностей иного рода. Более взвешенной представляется нам позиция А. Морича, Б. Бонвеча, С. Мерля и М. Хильдермайера (выраженная в последней его работе). Эти историки не

разделяют прежних, пессимистических, оценок, но свободны от крайностей «ревизионизма». Учитывая как позитивное, так и негативное в общем балансе аграрного развития страны, они, особенно А. Морич, подчеркивают важность и необходимость учета региональных

особенностей. Разнообразие в оценках аграрного развития России германоязычной историографией последней трети XX в. предопределило и различия в оценках аграрной реформы П.А. Столыпина. Данная тема, однако, заслуживает специального рассмотрения.

Примечания:

- ¹ Немецкие исследователи и публицисты начала XX в., даже признавая успехи в развитии русской индустрии, давали крайне негативную оценку состоянию аграрного сектора страны. См.: Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte. Berlin, 1902, S. 35-49; Bernhard G. Armes reiches Russland. Ein Mahnwort an Deutschlands Kapitalisten. Berlin, 1905, S. 59-62; Helfferich K. Das Geld im russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1906, S. 49-50; Мартин П. Будущность России. Пер. с нем. М., 1907; М.Л. Шлезингер и К. Виденфельд признавали и наличие сдвигов к лучшему в сельском хозяйстве России, но в большей мере уже в связи с аграрной реформой П.А. Столыпина. См.: Sclesinger M.L. Russland im XX. Jahrhundert. Berlin, 1908, S. 434-437; Wiedenfeld K. Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin-Leipzig, 1913, S. 253-256. Из работ второй половины XX в. см.: Noetzold J. Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin. Berlin (W), 1966, S. 25-97; Lorenz R. Sozialgeschichte der Sowjetunion. 1917 – 1945. Frankfurt a.M., 1976, S. 20-23, 26; Mueller E. Der Beitrag der Bauern zur Industrialisierung Russlands, 1885-1930: Bemerkungen zur Korrektur eines Interpretationsmodells // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, 1979, Bd. 27, H. 2, S. 197-204; Raupach H. Wirtschaft und Gesellschaft Sowjetrusslands. 1917 – 1977. Wiesbaden, 1979, S. 10-12; Scherer H. Der Aufbruch aus der Mangelgesellschaft. Die Industrialisierung Russlands unter dem Zarismus (1860 bis 1914). Giessen, 1985, S. 22-27, 94-98, 132-135; Hildermeier M. Die russische Revolution. 1905-1921. Frankfurt a. M., 1989, S. 16-19.
- ² Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom Japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin, 1917, S. 43-44.
- ³ Noetzold J. Op. cit.; Scheibert P. Die russische Agrarreform von 1861. Ihre Probleme und der Stand ihrer Erforschung. Koeln-Wien, 1973; Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik. 1860-1914. Goettingen, 1977; Funken K. Die oekonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution. Zur Entwicklung des Kapitalismus in Russland. Frankfurt a. M. – Zuerich, 1976; Scherer H. Op. cit.; Hildermeier M. Op. cit.
- ⁴ Noetzold J. Op. cit., S. 35.
- ⁵ Funken K. Op. cit., S. 54; Hildemeier M. Op. cit., S. 23.
- ⁶ Noetzold J. Op. cit., S. 54; Funken K. Op. cit., S. 54; Hildermeier M. Op. cit., S. 23.
- ⁷ Noetzold J. Op. cit., S. 27-28, 54-55. Ср.: Немчинов В.С. Сельскохозяйственная статистика с основами теории. М., 1945, с. 34; Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 190. См. также: Raupach H. Op.cit., S. 10-11.
- ⁸ Loewe H.-D. Die Lage der Bauern in Russland. 1880-1905. Wirtschaftliche und soziale Veraenderungen in der laendlichen Gesellschaft des Zarenreichs. Heidelberg, 1987, S. 107-108.
- ⁹ Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986, S. 41-42.
- ¹⁰ Ibid., S. 132, 137-140, 141-151. Факт частичной трансформации помещичьих хозяйств центра России в капиталистические отмечал и А.М. Анфимов, склонный особо акцентировать внимание на феодальных пережитках в аграрном строе России. См.: Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1966, с. 99. Германские исследователи до настоящего времени не рассматривали специально вопрос о применении капиталистических методов хозяйствования в практике российских дворян, хотя и признавали данный факт. Р.Лоренц в 1970-е гг. говорил даже о все большем переходе помещиков к этим методам, одновременно признавая тенденцию к пауперизации крестьянских хозяйств. См.: Lorenz R. Sozialgeschichte der Sowjetunion. 1917-1945. Frankfurt a.M., 1976, S. 30. См. также рецензию А. Гренцера на монографию Ю.Б. Соловьева «Самодержавие и дворянство» -JGO, 1992, Bd. 40, H. 4, S. 585.
- ¹¹ Preyer W.D. Die russische Agrarreform. Jena, 1914, S. 34, 65-69, 97; Hoetzsch O. Op. cit., S. 69, 163; Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920, S. 16-18.
- ¹² Noetzold J. Op. cit., S. 37. Ср.: Анфимов А.М. Некоторые данные об изменениях экономического положения крестьян разных разрядов в конце XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 218-235.
- ¹³ Noetzold J. Op. cit., S. 25-26, 34-37, 42; Hildermeier M. Op. cit., S. 19.
- ¹⁴ Funken K. Op. cit., S. 75-76. Р. Лоренц особо отмечал тормозящее воздействие на сельское хозяйство России общинных переделов и связанной с этим чересполосицы. При этом он соглашался с А.М. Анфимовым в трактовке арендных отношений в русской пореформенной деревне как докапиталистических, особенно в Центрально-Черноземном районе, на Средней Волге и в большей части нечерноземных губерний. См.: Lorenz R. Op. cit., S. 20-21.
- ¹⁵ Ibid., S. 72; Scherer H. Op. cit., S. 99, 132; Moritsch A. Op. cit., S. 40; Loewe H.-D. Op. cit., S. 95; Hildermeier M. Op. cit., S. 18.
- ¹⁶ Funken K. Op. cit., S. 72; Scherer H. Op. cit., S. 110-112; Hildermeier M. Op. cit., S. 18; Altrichter H. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997, S. 61, 364-366. Опровергая свою собственную сентенцию о нахождении преобладающей части земли после 1861 г. в руках дворян, государства и уделов (с. 61 его труда), Г.Альтрихтер на стр. 364 признает, что государственная и удельная земля в значительной своей части находились под лесами, объявленными в 1917 г. общенародной собственностью. Здесь же он, ссылаясь на А. Морича, указывает на факт потери дворянством за 1862-1911 гг. свыше 50% земли, при том, что часть сохранившихся за дворянами площадей арендовалась крестьянами. Соответственно Г. Альтрихтер, подобно Б. Бонвечу, признает ничтожность прирезки к крестьянскому наделу в соответствии с Декретом о земле. Стремясь устранить очевидное несоответствие между этим фактом и своим утверждением о колоссальных размерах помещичьего землевладения в России, Г. Альтрихтер говорит о необходимости учета региональной специфики. Существенно, однако, что в России районы крестьянского малоземелья и дворянского многоземелья не совпадали. См.: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001, с. 85, 149.
- ¹⁷ Funken K. Op. cit., S. 70-77; Mueller E. Op. cit., S. 197-215; Scherer H. Op. cit., S. 103, 112-114; Altrichter H. Op. cit., S. 62.
- ¹⁸ Loewe H.-D. Op. cit., S. 149-150.
- ¹⁹ Карагодин А.В. Аграрный кризис конца XIX – начала XX в. и материальный кризис положения русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». Итоги 5-летней деятельности. №12, декабрь 2001 года. М., 2001, с. 65-74.
- ²⁰ Mueller E. Op. cit., S. 202-203.

- ²¹ Loewe H.-D. Op. cit., Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 3, Lfg. 3/4. Stuttgart, 1981, S. 233-243.
- ²² Loewe H.-D. Op. cit., S. 97-98. X.-Д. Лева отмечает, что и частное землевладение отнюдь не было тождественно дворянскому, и более высокая урожайность на частных землях не означала автоматически таковую на дворянских. Он акцентирует также внимание на повышении доли крестьян в посевной площади Юго-Западной России и Центрального-Черноземного района в пореформенные десятилетия.
- ²³ Loewe H.-D. Op. cit., S. 18, 149-151.
- ²⁴ Ibid., S. 196-198, 203.
- ²⁵ Ibid., S. 7-8. Такие же данные о доле расходов крестьян на прямое и косвенное обложение наличествуют в работе А.М. Анфимова. См.: Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. М., 1984, с. 110-111.
- ²⁶ О неоднозначности крестьян различных категорий см.: Анфимов А.М. Некоторые данные об изменениях экономического положения..., с. 231-232.
- ²⁷ Loewe H.-D. Op. cit., S. 124-144. Ср.: Миронов Б.Н. «Сыт конь – богатый, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история, 2002, №2, с. 38; Он же. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник 2001. М., 2002, с. 418-425. Доказательность выводов, сделанных с помощью антропометрического метода, вызвала возражения (см.: Ананьич Б.В. Заметки по поводу статьи Б.Н.Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник 2002. М., 2003, с. 611-613). Следует, однако, учитывать, что Б.Н. Миронов не ограничивается одним лишь антропометрическим анализом, а подробно анализирует развитие грамотности, а также калорийность питания различных групп населения России. В отличие от Б.Н. Миронова X.-Д. Лева не проводит антропометрического анализа, но подробно анализирует питание крестьян различных категорий в конце XIX – начале XX в. и сопоставляет его с питанием крестьян различных районов Германии первой половины XX в. Питание русских крестьян (в т. ч. малоземельных) исследователь находит не худшим по калорийности сравнительно с питанием немецких земледельцев.
- ²⁸ Loewe H.-D. Op. cit., S. 28, 46-53; Миронов Б.Н. Указ. соч., с. 37, 40.
- ²⁹ Loewe H.-D. Op. cit., S. 28, 30, 33, 46.
- ³⁰ Ibid., S. 204.
- ³¹ Noetzold J. Op. cit., S. 56-64. О лимитирующем воздействии природно-климатического фактора на сельское хозяйство России см. также: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. О недостаточной интенсификации российского сельского хозяйства см., например: Дубровский С.М. Сельское хозяйство России в период империализма. М., 1975, с. 262-264; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998, с. 41.
- ³² Plaggenborg S. Staatsfinanzen und Industrialisierung in Russland. 1881-1903. Die Bilanz der Steuerpolitik fuer Fiskus, Bevoelkerung und Wirtschaft // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. V. 44 (1990). S. 152. См. также: Отечественная история, 1994, №3, с. 206-209; Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история, 1998, №1, с. 99. В начале XX в. на скромную роль крестьян как плательщиков прямых налогов указывал М.Л. Шлезингер. См.: Schlesinger M.L. Op. cit., S. 436. См. также: Миронов Б.Н. Кто платил за индустриализацию, с. 418-425. Между тем Б.В. Ананьич, говоря в названной выше статье о значительном росте косвенных налогов (с. 612), не принимает во внимание, что их плательщики в большинстве своем не были сельскими жителями – тем менее доказателен его вывод о постоянном росте налогового бремени на русское крестьянство в конце XIX – начале XX в. См. также: Карагодин А.В. Указ. соч., с. 70.
- ³³ Plaggenborg S. Op. cit., S. 179-180.
- ³⁴ Ibid., S. 213-214.
- ³⁵ Карагодин А.В. Указ. соч., с. 69.
- ³⁶ Moritsch A. Op. cit., S. 122-137, 152-154.
- ³⁷ Ibid., S. 122-132.
- ³⁸ Ibid., S. 130, 137-140.
- ³⁹ Ibid., S. 141-151.
- ⁴⁰ Bonwetsch V. Die russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt, 1991, S. 43-44.
- ⁴¹ Ibid., S. 48-50.
- ⁴² Hildermeier M. Geschichte der Sowjetunion. 1917-1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Muenchen, 1998, S. 30-31.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Scherer H. Op. cit., S. 129.
- ⁴⁵ Loewe H.-D. Op. cit., S. 36-44.
- ⁴⁶ Ibid., S. 97-98. Preyer W.D. Op. cit., S. 121-122. Роль передовых помещичьих хозяйств в развитии агрикультуры отмечали в начале XX в. также О. Хетч и К. Дице. И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская и Б.М. Литваков пришли к выводу, что и крестьянское хозяйство «определяло общие условия прогресса и тем самым воздействовало на помещичье. Об этом ярко говорит тот факт, что производственно-технический и социально-экономический уровень развития помещичьего хозяйства был выше там, где больше был удельный вес крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве» (см.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982, с. 228. Вывод этих авторов о ведущей роли крестьянского хозяйства в прогрессе аграрного развития страны полностью совпадает с точкой зрения «ревизионистов», наиболее полно представленных в германском руссисведении X.-Д. Лева. Германский историк даже более категоричен в своих утверждениях, чем трое отечественных исследователей. Вывод последних встретил резкое возражение А.М. Анфимова (Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 200-203), но следует заметить, что И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская и Б.М.Литваков сформулировали его как предварительный, указав на необходимость дальнейшей разработки проблемы.
- ⁴⁷ Moritsch A. Op. cit., S. 41-42, 122-137, 141-151, 152-154. Ср.: Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997, с. 141.
- ⁴⁸ Bonwetsch V. Op. cit., S. 48.
- ⁴⁹ Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность // Отечественная история, 1998, №1, с. 99.
- ⁵⁰ Hildemeier M. Geschichte der Sowjetunion, S. 30-31.